

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-55-68

РАННИЕ МИГРАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ЧЕРЕЗ СТЕПИ ЕВРАЗИИ: К РАЗРЕШЕНИЮ ТОХАРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Алексеев К. А.

Тверской казачий технологический институт

170100, г. Тверь, Свободный пер., д. 1б, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определение конкретных механизмов и логистических цепочек тохарских миграций через степи Евразии на протяжении полутора тысяч лет.

Процедура и методы. Автором проведён комплексный анализ генетических, антропологических и археологических данных.

Результаты. Проведённый анализ показал, что носители тохарского языка мигрировали из ареала Дунайской культуры Ленгиель первоначально в ареал Трипольской культуры, и только потом – в степи Евразии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложено рассматривать погребальный обряд вытянуто на спине с ориентацией на восток как специфически тохарский, на что указывают геномные коды останков. Определены хронологические рамки бытования указанного обряда в каждом из локальных регионов Великой Степи.

Ключевые слова: индоевропейцы, тохары, миграции, вытянутое труположение

EARLY MIGRATIONS OF INDO-EUROPEANS ACROSS THE STEPPES OF EURASIA: RESOLVING THE TOCHARIAN PROBLEM

K. Alekseev

Tver Cossack Institute of Technology

1b Svobodny prosp., Tver 170100, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify specific mechanisms and logistic chains of Tocharian migrations across the steppes of Eurasia for one and a half thousand years.

Methodology. The research was conducted using a comprehensive analysis of genetic, anthropological and archaeological data.

Results. The findings show that the Tochars migrated from the area of the Danubian culture of Lengyel primarily to the area of the Trypillian culture, and then - to the steppes of Eurasia.

Research implications. The funeral rite, when a dead body is in an elongated position and orientated to the East, can be considered as specifically Tocharian, as indicated by the genome codes of the

remains. Additionally, the findings specify the chronological framework of the existence of the specified rite in each of the local regions of the Great Steppe.

Keywords: Indo-Europeans, Tocharians, migration, elongated position of dead body

Введение

Древнеиндийские авторы называли *тохарами* жителей бассейна р. Тарим в китайском Синцзяне (Восточный Туркестан) [4, с. 178-179]. В VI-VIII вв. н. э. в бассейне Тарима распространяется тохарская письменность на двух диалектах – турфанском и кушанском [24]. К тому же периоду относятся изображения на стенах буддийских храмов в том же регионе. Не может быть сомнений, что письменность и росписи принадлежат одной человеческой популяции, а это значит, что носители тохарского языка были людьми с голубыми или зелёными глазами и светлыми волосами [15, с. 131].

При этом необходимо учесть, что тохарский язык принадлежит к западной ветви индоевропейской семьи и наиболее близок к таким древним европейским диалектам, как кельтский [23]. Античные авторы описывали антропологический тип кельтов как высоких людей с рыжими волосами и голубыми глазами [15, с. 131]. К. Кун называл подобный антропологический тип *брюннским брахицефальным*, и перед нами фактическая данность: на противоположных концах Евразии (в Ирландии и в Синцзяне) проживали носители близкородственных индоевропейских языков, обладавшие общим антропологическим типом.

Погребальные традиции тохарской популяции V в. н. э. восходят к могильнику Тинбахэ на озере Лобнор (VII I вв. до н. э.), могильнику Канбакэ у подножья Тянь-Шаня (800-400 гг. до н. э.), а от них – к **культуре Кэвригуль** (Гумугоу, некалиброванная датировка: 2000-1550 гг. до н. э.) на том же Лобноре. Культура характеризуется вытянутым труположением на спине с ориентацией на восток в могильных ямах без курганов и керамики [17, р. 908-909, 911]. В дальнейшем для простоты изложения мы будем называть

подобный погребальный обряд *кэвригульским*.

В антропологическом аспекте к насельникам Кэвригуля наиболее близки брахицефальные федоровцы (андроновцы) Казахстана [6, с. 133; 8, с. 241-242]. Относительно последних установлено, что по меньшей мере 57% федоровской популяции были светловолосыми и голубоглазыми [5, с. 122-123]. В силу археологического и антропологического континуитета исследователи сходятся во мнении, что именно будущие тохары были создателями культуры Кэвригуль. Таким образом, на исторические места обитания в бассейне Тарима тохары выхоят около 2000 г. до н. э. [28].

В своё время Г. Чайлд дал вполне точное определение тохарской проблеме – довольно трудно доказать, каким образом *индоевропейцы пересекли по дороге из Европы весь Туркестан*, чтобы оказаться в самом сердце Азии [21, с. 122]. Новейшие публикации данных генетики становятся ключом к разрешению проблемы тохарского этногенеза.

Группа китайских исследователей обнаружила у насельников Кэвригульской культуры (могильник Сяохэ) митохондриальные гаплогруппы H и K, следовательно, часть насельников Сяохэ происходила из Западной Европы. Эти выводы были поддержаны русскими специалистами, ознакомившимися с выводами китайских коллег [5, с. 123]. В ходе дальнейших исследований китайские учёные обнаружили у насельников Тарима такие mtHg, как U2e, U5a, T2 [27, р. 6].

Анализируя генетический состав ранних тохар в Синцзяне, мы пришли к выводу, что носители гаплогрупп H, K, U5a могли мигрировать в самое *сердце Азии* только из ареала Дунайских культур – линейно-ленточной керамики и её деривативов – Ленгиеля и Альфельда, – в кото-

рых аналогичные mtHg встречались в ещё неолите¹. Именно там, в ареале культуры моравской расписной керамики (район г. Брно), располагался центр брюннской брахицефальной расы [16, с. 110], т. е. тот центр, откуда кельты начали миграции до Ирландии, а тохары – до Туркестана.

Таким образом, в силу комплекса данных лингвистики, антропологии и генетики тохарская проблема приобретает форму теоремы: некоторая популяция носителей тохарского диалекта, брахицефального антропологического типа и гаплогруппы Н, действительно приходит из ареала Дунайских неолитических культур в Синцзян через всю Великую Степь по т. н. *степному мосту* (термин Колина Ренфрю [13, с. 29]).

Однако данная тохарская теорема нуждается в детальном доказательстве, что мы и попытаемся сделать в настоящем исследовании.

Последняя остановка перед выходом на Тарим

В своё время В. Ф. Зайберт высказал гипотетическое предположение, что насельниками Ботайской культуры на территории Казахстана могли быть индоевропейцы [3, с. 176-177], однако удовлетворительных доказательств приведено не было.

Ясно, что прото-тохары не были создателями бойтайской культуры, возможно, они даже не были суперстратом и не занимали господствующего положения в обществе. Скорее всего, они были диаспорой, пришедшей в инокультурную среду, частично приняли обычаи страны пребывания, но сохранили свой язык и похоронную обрядность (кэвригульскую).

Эпонимное для культуры поселение Ботай расположено в бассейне Ишима близ Кокчетав в Северо-Казахстанской области. В 1983 г. на раскопе XIV под по-

лом жилого помещения обнаружен целый скелет мужчины (ск.3), в современных исследованиях идентифицируемый как ВОТ14. Согласно новейшим данным, опубликованным в Science, калиброванная датировка образца 3517-3108 гг. до н. э. [25, S. 1.1, p. 3].

Согласно отчёту о раскопках [14, с. 121, 123] индивид ВОТ14 был вытянут на спине головой на юго-восток, что с учётом сезонного отклонения Солнца может трактоваться как на ориентация на восток. Подобное положение предполагается и для другого мужского скелета (ск.5) из той же могилы.

Мы интерпретируем этот ритуал как кэвригульский обряд погребения, практиковавшийся тохарами ещё до прихода в Синцзян. Совпадают многие детали обрядности: согласно отчёту, в Ботайском погребении предполагается *дополнительное сооружение из жердей и шкур животных, не дошедшее до наших дней*, тогда как в могильнике Гумугоу деревянные жерди и шкуры животных явлены археологам со всей очевидностью [17, p. 908].

Первые исследователи ботайских погребений обратили внимание на характерную особенность – захоронение на территории поселения и даже на территории жилища. Ближайшую аналогию они видят в петровских древностях Андроновской общности [14, с. 125]. На наш взгляд, продуктивнее рассматривать данный обряд как наследие древнейшей традиции, присущей ранним неолитическим земледельцам не только Европы (Триполье), но также Ближнего Востока (Чатал-Хююк) [22, с. 200].

Таким образом, мы полагаем погребальный обряд Ботайской культуры, аналогичный кэвригульскому ритуалу, свидетельством проживания тохар в верховьях Ишима в период 2500-2100 гг. до н. э. (по традиционной некалиброванной датировке).

Около 2100-2000 гг. до н. э. тохары покинули Ботай и, поднимаясь вверх по Иртышу, проникли через Джунгарские

¹ См. Алексеев А. О. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34-43.

ворота в Синцзян (как правильно предполагает А. Г. Козинцев [6, с. 133]), где и сформировали Кэвригульскую культуру.

Откуда прото-тохары пришли в Ботай? Ответ подсказывает генетика. Сравнительно недавно группа западных учёных во главе с П. де Барро Дамгаардом из Копенгагенского университета опубликовала в Science результаты исследования 74 древних геномов. Применительно к населенникам Ботайской культуры исследовано только 3 образца. Не может не радовать, что индивид VOT14, погребённый по кэвригульскому ритуалу, попал в выборку. У него обнаружена mtHg K1b2 [25, S2.14.2.2, p.28]. Точных аналогий для этой гаплогруппы мы найти не смогли, однако субклад - K1b2a - обнаруживается в синхронной Афанасьевской культуре (Каменная пещера на Алтае, 4430+/-40 л.н.) [30].

Таким образом, мнение, высказанное Е. Е. Кузьминой и поддержанное К. Ренфрю о том, что Афанасьевская и Кэвригульская (тохарская) культура имеют общее происхождение, получает дополнительное материальное (генетическое) обоснование [13, с. 25].

На данной стадии изучения вопрос о происхождении Афанасьевской культуры как будто уже окончательно разрешён. Н. Я. Мерперт и прежде высказывал вполне обоснованное археологически суждение о происхождении Афанасьевской культуры от Волго-Уральского варианта Ямной общности [22, с. 329]. Со своей стороны, мы обнаруживаем трансляцию уникальных митохондриальных гаплогрупп T2c1a2 (Лопатино - Батени) и U5a1a1 (Лопатино и Лужки - Кюум) из Ямной культуры в Афанасьевскую [29].

Соответственно, если мы исходим из основательного генетического допущения, что носители ботайской mtHg K1b2 и афанасьевского субклада K1b2a имеют общее происхождение, то должны признать, что **прото-тохары приходят в ареал Ботайской культуры с Волги, из ареала Ямной общности**, а конкретно с

территории Самарской области, где располагались курганы Лопатино и Лужки.

Тохары на великой русской реке

Ямные древности в бассейне Волги представлены в подавляющем большинстве курганными могильниками. Поэтому в поисках тохар на Волге мы исходим из допущения, что они хоронили своих покойников по кэвригульскому обряду, но под курганами.

Обращает на себя внимание могильник Лопатино I (на р. Сок Самарской обл.), курган 31, осн. пог. I. Для этого погребения имеется уникальный комплекс данных. Погребённый мужчина около 40 лет лежал вытянуто на спине головой строго на восток. Голени были отчленены и от середины длины бедёр положены параллельно с ними. Прижизненный рост должен был составлять всего 175 см [26, р. 29]. По костям погребённого получена радиоуглеродная дата 4432+/-66 л. н. По репинской керамике, сопровождавшей погребение, получена другая дата: 4800+/-80 л. н. [11, с. 10-11]. Погребённому в Лопатино I 31/1 был присвоен идентификатор SVP38/I0429, и для него была определена mtHg T2c1a2 [29]. Как уже было сказано, аналоги встречаются только в синхронной Афанасьевской культуре. Не исключено, что этот субклад является более точным определением той гаплогруппы T2, которую китайские исследователи обнаружили у тохар на Тариме.

По совокупности данных, мы полагаем, что памятник Лопатино I 31/1 был оставлен прото-тохарами накануне их ухода в степи Казахстана, и таким образом, на территории Самарского Заволжья они должны были обитать, по крайней мере, в период 2850-2480 гг. до н. э. (по традиционной некалиброванной датировке).

На левобережье Волги есть и другие КМ с вытянутым труположением, в частности, Быковские курганы. Ни один из них не датирован, генетический анализ останков не производился.

Проанализируем впускное погребение 8 в кургане 3 Быково II – ребёнок лежал вытянуто на спине головой на северо-восток [9, с. 35]. В силу подобной обрядности мы не можем однозначно утверждать, что погребение было оставлено прото-тохарами.

Погребению 8 предшествовало основное скорченное погребение Быково II 3/7. Смена ритуала позволяет предполагать приход нового населения, принёсшего вытянутую обрядность. На сопровождающем впускное погребение сосуде имеются ямочные вдавления вдоль венчика. Подобная технология керамического производства позволяет отнести Быково II 3/8 к определенному стратиграфическому горизонту, в керамике которого используется подобный технический приём (Верхне-Погромное 19/1, Бережновка I 32/2, наконец, Скатовка 5/3) [9, с. 61]. Из этих курганов датирована только Скатовка 5/3: 5080-4890+/-75 л. н. [10, с. 588-589].

Таким образом, приход в район Быково носителей вытянутого труположения с ориентацией на С-В мы должны отнести к периоду 3130-2940 гг. до н. э. по некалиброванной датировке.

Несомненный приход прото-тохар на Волгу знаменует появление вытянутого труположения с сугубо восточной ориентировкой в качестве основного погребения. И происходит это в период, предшествующий стратиграфическому горизонту Скатовки 5/3 (5080+/-80 л. н.) и Быково II 3/8, т. е. в период Быково II 3/7 (осн.), каковое погребение мы синхронизируем с другим основным – Быково II 2/3, в котором встречаем вытянутое труположение с восточной ориентировкой. В силу этих обстоятельств мы датировем появление носителей будущего лопатинского (кэвригульского) обряда в районе Быково II периодом 3260-3130 гг. до н. э. по некалиброванной шкале.

Позднее в период 3130-2940 гг. до н. э. сюда же приходят носители вытянутого

труположения с ориентацией на С-В. Следует предполагать вполне мирное существование обеих ритуальных групп в указанный период в районе Быково II, на что указывает синхронное существование сразу двух ритуальных традиций – строго на В (п. 1 к. 2) и на С-В (к. 3 п.8).

Очевидно, лишь нехватка ресурсов в ограниченном районе Быково заставила носителей сугубо восточного обряда около 2850 г. до н. э. покинуть этот район, уйдя вверх по Волге, и осесть на Соке и Самаре на длительный период 2850-2480 гг. до н. э. Прото-тохары широко использовали культурные (в том числе керамические) традиции окружающего населения, органически вливалась в состав населения Ямной общности. При этом, как впоследствии в Ботае, прото-тохары не составляли значительной доли населения Ямной культуры – по подсчётам Мерперта, вытянуто на спине было совершено лишь 7% погребений [9, с. 45].

Откуда прото-тохары приходят на Волгу?

Н. Я. Мерперт связал Быково II 2/3 с древностями хутора Репин на Дону [9, с. 58-59]. В настоящее время отнесение Быково II 2/3 к Репинской культуре не вызывает сомнений [11, с. 586]. Таким образом, если мы хотим понять миграцию тохар по степному мосту через Евразию, то необходимо признать, что погребальная традиция Быково II 2/3 (транслирующаяся в Лопатино I 31/1) приходит на Волгу с запада – с Дона, Северского Донца или Днепра, если судить по архаичному сосуду, сопровождавшему погребение Быково II 2/3 [9, с. 34]. Аналогичный Быковскому сосуд так же при вытянутом погребении встречается в кургане у станицы Усть-Лабинской на Кубани [16, с. 193], что указывает на существование двух направлений миграций прото-тохар: с Дона – за Волгу и на Кубань. Это второе направление миграций в исторической перспективе оказалось тупиковым.

Об этнокультурном и хронологическом статусе вытянутых погребений на Дону

На Дону открыто и исследовано большое число как курганных, так и грунтовых погребений с вытянутым труположением. При этом указанный обряд бытует в регионе в достаточно узких хронологических рамках, тогда «как количество вытянутых костяков для других стадий эпохи палеометалла ничтожно мало» [20, с. 124]. Данный феномен подтверждает нашу гипотезу, что носители вытянутого обряда погребения в некоторый момент времени появляются на Дону, а потом перекочёвывают на Волгу и Кубань, в силу чего вытянутый обряд исчезает в бассейне Дона, сменяясь сугубо ямным – скорченным на спине.

Верхняя граница бытования вытянутых погребений на Дону совпадает с датой ухода прото-тохар на Волгу – около 3260 г. до н. э. по традиционной шкале. Нижняя граница появления вытянутых погребений укладывается в широкий диапазон 5 верхнего слоя Раздорского поселения, синхронного Среднему Стогу II [7, с. 87].

Более точную датировку позволяет установить Дронихинский грунтовый могильник на р. Битюг в Воронежской обл. В Деревинской фазе (датируемой в интервале 5515±90 л. н. – 4900±100 л. н.) Дрониху заселяют выходцы из ареала Среднепалеолитической культуры [19, с. 102]. На поселении они оставляют наиболее раннюю группу погребений, скорченных на спине, ориентированных на северо-запад [18, с. 249–250].

Исследователь Дронихинского могильника А. Т. Синюк отмечает, что раннюю группу погребений перекрывает группа более поздних погребений, вытянутых на спине и ориентированных на восток (ритуал Быково II 2/3), которые, по мнению исследователя, принадлежат своеобразной этнографической группе населения [18, с. 251].

Важно отметить, что первая группа погребений была произведена на территории поселения в один из перерывов в его функционировании, ещё до сооружения постройки [18, с. 249]. Вторая группа населения хоронила своих покойников не только на территории поселения, но и внутри (в полу) построенного жилища, что следует рассматривать как часть погребальной традиции, перешедшей потом в Ботайскую культуру. В силу совпадения обрядности (вытянутое восточноориентированное захоронение на территории жилища) мы склонны считать вторую, своеобразную этнографическую группу Дронихинских погребений (№ 5, 7–9) памятником миграции прото-тохар в восточном направлении.

Таким образом, период 3565–3260 гг. до н. э. статистически должен быть разделён на два горизонта между двумя этно-стратиграфическими группами, в силу чего среднепалеолитический элемент в Дронихе, как более ранний, должен быть датирован 3565–3400 гг. до н. э., а более поздний прото-тохарский – 3400–3260 гг. до н. э., т. е. самым концом Среднепалеолитической культуры.

Обратим внимание на погребение 9, в котором у покойного голени были отчленены и положены параллельно с бёдрами [18, с. 248], каковой обряд транслируется потом в Лопатино I 31/1, что лишнее подтверждает культурное единство всех вытянутых восточно-ориентированных захоронений на протяжении более 800 лет на пространствах от Дона до Волги.

Укажем также на погребение двух отдельных мужских черепов (могила № 17), относящихся к верхнему горизонту Дронихи. Аналогичный обряд мы встречаем в КМ Герасимовка II 4/2 (верховья Бузулука на Оренбуржье), принадлежащем к Репинской культуре, датируемом 4480±35 л. н. [10, с. 587, 589] и составляющим ареальное и хронологическое единство с курганами на Соке и Самаре, в том числе с Лопатино I (4432±66 л. н.).

Мы полагаем парные захоронения черепов частью тохарской погребальной традиции, длившейся более 800 лет: в верхнем горизонте Дронихинского ГМ (3400–3260 гг. до н. э.) мы видим самое начало этой традиции, ставшей частью Репинской культуры. Около 2500 г. до н. э., когда будущие тохары уже покидали Волгу, чтобы уйти в степи Казахстана, они оставили по себе ритуальные знаки своего пребывания в Волго-Уральском междуречье (отчленённые голени в Лопатинно, отчленённые черепа в Герасимовке).

Дронихинский ГМ фиксирует лишь факт прихода прото-тохар на Дон. Дальнейшую судьбу тохарского элемента позволяет определить другой ГМ – Дюнное I (на участке течения Дона Богаевская-Акса́й). Основными являются вытянутые на восток (и юго-восток: ботайский ритуал) погребения 19 и 20. В дальнейшем они перекрываются скорченными погребениями 21 (с руками у лица), 24, 26, 28 [2, с. 251–260].

Можно говорить, что пришлый прото-тохарский элемент врезается в средне-стоговскую культурную традицию: вытянутые погребения (если они не основные) всегда следуют за скорченными; однако бытование вытянутого обряда было довольно коротким и он вновь сменяется скорченным. Подобная закономерность смены обрядности уже давно известна археологам [18, с. 253], однако мы её рассматриваем в контексте этнических миграций по Евразийскому степному мосту. По существу, местные средне-стоговские традиции абсолютно возобладали над пришлыми (прото-тохарскими).

По приходу на Дон прото-тохары заимствуют не только местную керамику типа Быково II 2/3, но также именно здесь мигранты заимствуют местные курганные традиции. В качестве примера: пог. 3 Павловского кургана 11 (Воронежская обл.) вытянутое на спине, ориентированное на восток [20, рис. 187]. Впоследствии, на Волге, прото-тохары хоронят своих покойником уже только под курганами.

При этом в стратифицированных курганах мы наблюдаем ту же закономерность смены погребального обряда (скорченно – вытянуто – снова скорченно), что и в грунтовых могильниках.

Донские древности не датированы радиоуглеродным методом, генетический анализ погребённых не проводился. Тем важнее для этнической истории прото-тохар Иванобургский КМ (на р. Битюг Воронежской обл.), в котором в погребениях 8 и 9 захоронены мужчины ростом около 2 м [18, с. 252–253], каковой высокий рост является характерным антропологическим признаком тохарских мумий на р. Тарим. Покуда генетические данные не опровергли нашего мнения, мы убеждены, что **в Иванобурге похоронены предки тех тохар, что дошли до Синцзяна.**

Исследователь Иванобургского могильника А. Т. Синюк выделяет три группы вытянутых погребений, которые все перекрываются IV группой скорченных погребений, в контексте ранее выделенной закономерности.

IV (ямная) группа – скорченно на спине (погребения № 17, 19, 29)

III группа – вытянуто на С-3 (погребения № 9, 12, 35).

Сосуды погребений Иванобург-9 и 35 аналогичны керамике Семенкин 3/10 (близ Волгодонска), в котором погребённые так же вытянуты на спине на С-3 [20, с. 123, рис. 81]. Курган Семенкин датируется 5 верх. слоем Раздорского и Средним Стогом (3530–3260 гг. до н. э.) [7, с. 83–84].

II группа – вытянуто на С-В (погребения № 6, 21, 27, 28). С той группой сопоставимо пог. 13 Дронихинского ГМ, а так же погребение Быково II 3/8.

I группа – вытянуто строго на В (по кэвригульскому ритуалу: погребения № 5, 8¹, 13, 18, 22, 30) или на Ю-В (по ботайскому ритуалу: 10, 20, 25, 26, 31). Погребения 31 и 22 сопровождаются идентичными бусами из перламутра [18, с. 252], что говорит о синхронности обо-

¹ 2-метровый мужчина

их ритуалов. С другой стороны, сугубо восточноориентированное пог. 30 перекрывало юго-восточное п. 31 [20, с. 122], что говорит об относительной длительности существования традиции.

Поскольку погребения I гр. (п. 10, 30) явно перекрывались погребениями II гр. (соответственно п. 6 и 28) [20, с. 122], можно говорить, что I гр. действительно более ранняя и предшествует II-ой группе. Аналогичную ситуацию мы наблюдали в районе Быково II, где восточноориентированные погребения являются основными (к. 2 п. 3), а северо-восточные оказываются более поздними – впускными (к. 3. п. 8).

При этом А. Т. Синюк вполне справедливо синхронизирует обе группы (I–II) с верхним горизонтом Дронихинского ГМ [18, с. 256], который мы датировали самым концом Среднепалеолитической культуры (3400–3260 гг. до н. э.). Таким образом, в абсолютных некалиброванных датах I гр. относится к периоду 3400–3300 гг. до н. э., II гр.: 3300–3260 гг. до н. э.

Что касается III гр., то она бытует несколько самостоятельно, либо параллельно обеим первым группам, либо появляется в Ивановбурге синхронно со II гр. (3300–3260 гг. до н. э.) и вместе с нею на следующем историческом этапе перекрывается скорченными ямными погребениями.

Стоит согласиться с мнением А. Т. Синюка, что все три группы вытянутых погребений вне зависимости от ориентации составляли этнокультурное единство [18, с. 253] (включая в него и погребения Дронихинского ГМ). Очевидно, что **перед нами ритуалы отдельных родов одного племени**, а потому существенно растягивать их во времени совершенно неоправданно.

Мы воздержимся от определения культурного статуса вытянутых на спине погребений, не являющихся среднепалеолитическими, но бытующими в самом конце этой культуры, накануне распространения ямных древностей. Отметим мнение

А. Т. Синюка, полагавшего, что памятники репинского типа оставили те же племена, которые *в основном придерживались бескурганного обряда захоронения, с положением умерших вытянуто на спине* [18, с. 182]. Соответственно *ранние вытянутые иванобургские захоронения относятся к репинской культуре* [18, с. 256]. С этим, как будто согласуется мнение Н. Я. Мерперта, связавшего вытянутое погребение Быково II 2/3 с Репинской культурой [9, с. 58–59]. Однако согласиться с мнением А. Т. Синюка не позволяет то обстоятельство, что наиболее ранние древности, маркированные репинской керамикой, локализуются в Самарском и Саратовском Заволжье (КМ Шумейка, 5420+/-100 л. н. Турганинское поселение, 5230+/-90 л. н.) [11, с. 11] и оказываются синхронны вытянутым погребениям на Среднем Дону. Тем не менее поиски особого археологического статуса для вытянутых погребений Подонья представляются вполне закономерными.

При этом, установив период появления вытянутых погребений на Дону, мы никак не можем признавать их *архаическими* (А. Т. Синюк) или *постмариупольскими* (А. В. Файферт) [20, с. 124]. Развёрнутую критику предложенной И. Ф. Ковалевой концепции *постмариупольских древностей* дал Ю. Я. Рассасакин, предложив объединить группу вытянутых погребений Днепровского ареала в рамках *квятинской культуры* [12]. Методологически идея Рассасакина полностью аналогична предложению Синюка считать вытянутые погребения Донского региона самостоятельной – репинской – культурой.

От себя мы добавим лишь то, что спекулятивный концепт *постмариупольских древностей* необоснованно предполагает беспричинную *реминисценцию* (по выражению Н. Я. Мерперта [9, с. 50]) неолитических погребальных традиций спустя почти тысячу лет после их исчезновения. В связи с этим намного более продуктивно рассматривать вы-

тянутые погребения, как принципиально новое археологическое явление, действительно принадлежащее *своеобразной этнографической группе населения* (по вполне справедливому выражению А. Т. Синюка) – прото-тохарам.

При этом никто прежде не пытался рассмотреть вытянутые погребения, залегающие между Средним Стогом и Ямной (Репинской) культурой, как пример этнической миграции по Евразийскому степному мосту, причём конкретного индоевропейского народа. Намного проще было назвать безынвентарные, трудно атрибутируемые вытянутые погребения «архаичными» и списать их появление на «ренессанс» Неолита.

Зарождение вытянутого обряда погребения

В каталоге среднестоговских древностей, составленном Н. С. Котовой, нам удалось обнаружить лишь одно вытянутое (на северо-восток – II гр. Иванобурга) погребение – № 1 Игреньского могильника (в городской черте Днепропетровска), сопровождавшееся типичной среднестоговской керамикой [7, с. 46]. Таким образом, погребение можно датировать в широком диапазоне 5480-5210+/-70 л. н. [7, с. 31,81,87].

Главной особенностью Игреньского могильника следует считать смешанный расовый состав погребённых. В пог. 18 погребена женщина прото-европеоидного антропологического типа, характерного для всего степного населения Причерноморья. Напротив, мужские черепа Игреньского могильника (пог. 2, 3, 5), являют средиземноморский антропологический тип, присущий трипольскому населению [7, с. 130].

Таким образом, Игреньский могильник демонстрирует бесспорный факт физического проникновения мигрантов из ареала земледельческих культур *Старой Европы* (в первую очередь, из Триполья) в Причерноморские степи, что так же подтверждается импортной трипольской

керамикой в IV слое Стрильчей Скели, синхронном Среднему Стогу II [7, с. 31].

В силу этого Игреньский могильник становится искомым антропологическим и археологическим доказательством правильности как таковой методологической модели разрешения всей индоевропейской проблемы, которую отстаивали В. А. Сафронов и К. Ренфрю с присоединившимся к ним позднее Дж. Мэллори. Все они говорили о *расшатывании земледельческого уклада* в Старой Европе [16, с. 126], в результате чего *где-то в середине IV тыс. до н.э.* часть оседлого трипольского населения (средиземноморского облика) мигрирует с запада в украинские степи, и именно в силу этого *сдвига в сторону пасторализма* [13, с. 25] индоевропейцы – коренные земледельцы лёссовой полосы Старой Европы – оказываются на просторах Евразийских степей и начинают вести кочевой образ жизни – тот самый, который им приписывают сторонники курганной (степной) гипотезы.

Оказавшись в инородной культурной среде Среднего Стога II, мигранты из ареала Триполья вырабатывают для культурной и этнической самоидентификации специфический обряд погребения – вытянуто на спине без инвентаря, который они бережно пронесли от Игреньской переправы на Днепре через Иванобург, Дронуху, Быково, Лопатино и Ботай до самого Кэвригуля в бассейне Тарима.

Часть трипольских мигрантов в период 3530–3400 гг. до н. э. расселилась по Днепру и на восток до Северского Донца (район Луганска). В результате смешения с насельниками Деревинской культуры уже на следующем историческом этапе формируется специфическая *квитянская культура* (по эпонимному памятнику в балке Квитяной ниже Днепропетровска), характеризующаяся вытянутыми погребениями под каменными закладками и датируемая Трипольем CI-II [12, с. 146, 159, 163, 171].

Собственно рождение квитянской традиции мы наблюдаем уже в Игрень-

ском могильнике – погребение 1 (II гр. Ивановбурга) совершено под каменной закладкой из крупных плит [7, с. 46]. Вытянутое на запад (III гр. Ивановбурга) погребение Игрень-7 таких плит не содержало, но относится уже к новой, полностью сформировавшейся Квитянской культуре [12, с. 156, 160], и являет собою непрерывность развития ритуальной традиции мигрантов в месте её рождения.

Те носители вытянутого обряда, кто, не остановившись на Северском Донце и порвав связь с местом рождения своей погребальной традиции (Игреньским могильником), пошли далее на восток, в итоге вышли на Дон и Битюг.

Не возникает ли здесь противоречия между нашими прежними утверждениями, что тохары на Тариме – это брюннские брахицефалы, тогда как трипольские мигранты в Игрени – средиземноморские долихоцефалы?

Во-первых, в Степь мигрировали, по меньшей мере, три рода трипольцев. Все они практиковали вытянутое на спине труположение, но у каждого была своя пространственная ориентация (на В, С-В, З).

Во-вторых, мы однозначно можем утверждать, что прото-тохарами была только I Ивановбургская группа мигрантов (Павловский 11/3; Дюнное I 19 и 20; Дрониха-5 и 7; Койсуг 5/38; Быково II 2/3; Лопатино I 31/1; Ботай-14) – с ориентацией на восток (юго-восток) – именно она, в конечном счёте, достигла Синцзяна. С другой стороны, мы не можем отрицать, что остальные группы носителей вытянутого обряда (включая носителей Квитянской культуры и Ивановбурга-II и III) не говорили на прото-тохарском диалекте и не были индоевропейцами.

Наоборот, все три рода трипольских мигрантов составляли единое племя, в котором прото-тохарский был языком межродового общения. Именно поэтому мы предполагаем вполне мирное сосуществование I и II групп в районе Быково в период после прихода носителей северо-восточного обряда на места

обитания носителей восточного обряда (3130-2940 гг. до н.э.). Так же велика вероятность, что в Ивановбурге III-я группа в период 3400-3260 гг. до н. э. мирно сосуществовала с последовательно сменявшимися друг друга I и II группами. Однако носители западной и северо-восточной ориентации в исторической перспективе оказались тупиковыми ветвями индоевропейской языковой семьи.

В-третьих, носители восточного обряда, вероятно, форсировав Днепр в районе Игрени, практически не задерживаясь здесь, ушли дальше на восток – на Дон. Именно поэтому мы обнаруживаем в Игрени только долихоцефалов, и не обнаруживаем брахицефалов 2-метрового роста.

Очевидно, что брахицефалы составляли лишь незначительную часть общего миграционного потока из ареала Триполья на Днепр. И именно они ранее и далее всех прочих трипольских мигрантов продвинулись на восток. Поэтому, принципиально допуская как таковую возможность дальнейших миграций из ареала Триполья до Днепра и далее – до Волги и Тарима, мы должны отыскивать следы присутствия прото-тохар именно в ареале Трипольской культуры. Это была их первая остановка после отделения от западной ветви индоевропейской языковой семьи.

Вместо заключения: прото-тохары в ареале Трипольской культуры

В начале текста исследования мы указали, что по совокупности генетических и антропологических данных будущие тохары должны были мигрировать в Синцзян из ареала культуры Ленгиель. Из того же ареала (из Моравии) брахицефальные кельты позднее начали свои миграции в западном направлении. Таким образом, культура Ленгиель должна рассматриваться как археологический эквивалент ещё не разделенной западной ветви индоевропейской семьи, включавшей будущих кельтов и тохар.

Соответственно, для доказательства тохарской теоремы требуется установить обстоятельства выделения прото-тохар из западной ветви семьи и их проникновения в ареал Триполья.

Восточной границей распространения культуры Ленгиель следует считать Львовскую область. Здесь обнаружены типичные поселения культуры Ленгиель - Звенигород и Колоколин. Ниже по Днестру уже начинался ареал культуры Триполья.

В период Триполье В I (1-2), радиоуглеродным методом датируемый 5805-5440±70 л. н. [7, с. 81], часть носителей культуры Ленгиель отрывается от материнского ареала и проникает на трипольское поселение Городница (Иваново-Франковская обл.) [22, с. 194], где обнаружена типичная ленгиельская белорасписная керамика [1, с. 272]. С момента отделения от материнской культуры Ленгиель эту группу западных индоевропейцев уместно именовать *прото-тохарами*.

Сохраняя и развивая свой язык, прото-тохары проживали в ареале Триполья на протяжении 1-2 ступеней среднего периода (по некалиброванным датам 3850-3500 гг. до н. э.) и объединили вокруг себя некоторое число местных ро-

дов. Новое племя в большинстве своём было составлено коренными трипольцами средиземноморского типа и лишь немногие были пришлыми брахицефалами 2-метрового роста. Однако именно язык последних служил для межродового общения внутри племени.

Около 3500 г. до н. э. это разнородное племя начало свою достаточно массовую миграцию в Степь, где в период Среднего Стога II (3530-3260 гг. до н. э.) мигранты из ареала Триполья обнаруживают своё присутствие в Игреньском могильнике. Именно здесь племя мигрантов принимает для себя вытянутый обряд труположения без инвентаря.

По существу, речь идёт о *корпоративной миграции*, по терминологии Е. Е. Кузьминой [8, с. 157], - поток индоевропейцев привлекает к участию в своём движении насельников культур, через ареал которых мигранты проходят. В данном случае прото-тохары вовлекли в свою миграцию коренных трипольцев и отчасти затерялись в их среде так, что их гены (mtHg H) и брахицефальный расовый тип обнаруживают себя только на Тариме.

Статья поступила в редакцию 17.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Украинской ССР. Т. 1 / гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: АН УССР, 1985. 568 с.
2. Гудименко И. В., Файферт А. В. Погребения эпохи энеолита - ранней бронзы грунтового могильника «Дюнное I» // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 245. С. 251-260.
3. Зайберт В. Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 171-179.
4. Клейн Л. С. Миграции тохар в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2. С. 178-187.
5. Козинцев А. Г. Из Степи в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб, 2012. С. 122-126.
6. Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125-136
7. Котова Н. С. Ранний Энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: ВНУ имени В. Даля, 2006. 328 с.
8. Кузьмина Е. Е. Арии: путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 557 с.
9. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 168 с.

10. Моргунова Н. Л. О культурном статусе и хронологии Репинского типа в Заволжье и Приуралье // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 585–591.
11. Моргунова Н. Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Краткие сообщения Института Археологии. Вып. 230. М.: Институт Археологии РАН, 2013. С. 5–23.
12. Рассемакин Ю. Я. Квятианская культура: история и современное состояние проблемы // *Stratum plus*. 2002. № 2. С. 117–177.
13. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник Древней истории. 2002. № 2. С. 20–31.
14. Рыкушина Г. В., Зайберт В. Ф. Предварительное сообщение о скелетных останках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 123–136.
15. Салларес Р. Языки, генетика и археология // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 122–133.
16. Сафронов В. А. Индоевропейские прародинны. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1989. 398 с.
17. Сверчков Л. М. Археология Синцзяна // British Entertainment History Project. 2016. Vol. 3. № 11. P. 904–926.
18. Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2014. 766 с.
19. Скоробогатов А. М., Смольянинов Р. В. Среднепалеолитические материалы в бассейне верхнего и среднего Дона // Российская Археология. 2013. № 2. С. 96–106.
20. Файферт А. В. Ранний этап ямной культуры эпохи бронзы Нижнего Подонья: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2017. 436 с.
21. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2008. 270 с.
22. Энеолит СССР / отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1982. 360 с.
23. Adams D. O. The Position of Tocharian among Other Indo-European Languages // *The Journal of American Oriental Society*. 1984. Vol. 104. P. 395–402.
24. Anthony D. W. Tracking the Tarim Mummies: A Solution to the Puzzle of Indo-European Origins? // *Archaeology* (N.Y.). 2001. Vol. 54. № 2. P. 76–84.
25. Barros D. de P., Martiniano R., Kamm J. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science. Supplementary Materials*. 2018. Vol. 360. P. 1420–1422.
26. Haak W., Patterson I., Rohland N. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe [Электронный ресурс] // *Nature*. Vol. 522. URL: <https://www.nature.com/articles/nature14317>.
27. Li Ch. Analysis of Ancient Human Mitochondrial DNA from the Xiaohe Cemetery: Insights into Prehistoric Population Movements in the Tarim Basin, China [Электронный ресурс] // *BioMed Central Genetics*. 2015. Vol. 16. № 78. URL: <https://bmccgenomdata.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12863-015-0237-5>.
28. Mair V. H. Mummies of the Tarim Basin // *Archaeology* (N.Y.). 1995. Vol. 48, № 2. P. 28–35.
29. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe // *Nature. Supplementary tab. 1*. 2018. № 555. P. 197–203.
30. Narasimhan V. M. The Genomic Formation of South and Central Asia // 2019. *Science. Supplementary materials. Data S 1*. Vol. 365. P. 997–1002.

REFERENCES

1. Artemenko I. I., ed. *Arheologiya Ukrainskoj SSR. T. 1* [Archeology of Ukrainian Soviet Socialist Republic. Vol. 1]. Kiev, Academy of Science of USSR Publ., 1985. 568 p.
2. Gudimenko I. V., Fajfert A. V. [Burials of the Eneolithic Age – Early Bronze Age of the Dyunnoye I Soil Burial Ground] // In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of Archeology Institute], 2017, no. 5, pp. 251–260.
3. Zajbert V. F. [Dynamics of the Interaction of Natural-ecological and Socio-economic Factors in the Process of the Formation of a Productive Economy in the Steppes of Kazakhstan]. In: Masson V. M., ed. *Vzaimodejstvie kočevykh kul'tur i drevnih civilizacij* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1989, pp. 171–179.
4. Kleyн L. S. [Tocharian Migration in Archeology]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 2, pp. 178–187.
5. Kozincev A. G. [From the Steppe to the Desert: Early Caucasians of Eastern Turkestan according to

- Genetics and Anthropology Data]. In: *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami. Kn. 1* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations. Vol. 1], St. Peterburg, 2012, pp. 122–126.
6. Kozincev A. G. O [About the Early Migrations of Europeoids to Siberia and Central Asia (In Connection with the Indo-European Problem)]. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2009, no. 4 (40), pp. 125–136.
 7. Kotova N. S. *Rannij Eneolit stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya* [Early Eneolithic of the Dnieper and Azov steppe]. Lugansk: East Ukrainian National University named after V. Dal' Publ., 2006. 328 p.
 8. Kuz'mina E. E. *Arii: put' na yug* [Ariars: The Way to the South]. Moscow, Letnij sad Publ., 2008. 557 p.
 9. Merpert N. Ya. *Drevnejšie skotovody Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* [The Most Ancient Pastoralists of the Volga-Ural Interflue]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 168 p.
 10. Morgunova N. L. [On the Cultural Status and Chronology of the Repinsky Type in the Volga and Urals]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 3 (2), pp. 585–591.
 11. Morgunova N. L. [Radiocarbon Chronology of the Pit Culture of the Volga-Ural Interflue]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii. Vyp. 230* [Brief reports of the Institute of Archeology. Is. 230.]. M, Institut Arheologii RAS Publ., 2013. P. 5–23.
 12. Rassamakin Yu. Ya. [Kvityanskaya Culture: History and Current State of the Problem]. In: *Stratum plus*, 2002, no. 2, pp. 117–177.
 13. Renfry K. [Indo-European problem and the development of the Eurasian steppes: questions of chronology]. In: *Vestnik Drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 2002, no. 2, pp. 20–31.
 14. Rykushina G. V., Zajbert V. F. [Preliminary Report on the Skeletal Remains of People from the Eneolithic Settlement Botai]. In: *Bronzovyy vek Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ya* [Bronze Age of the Ural-Irtysh interflue]. Chelyabinsk, 1984. P. 123–136.
 15. Sallares R. [Languages, Genetics and Archeology]. In: *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 1998, no. 3, pp. 122–133.
 16. Safronov V. A. *Indoevropskie prarodiny* [Indo-European Ancestral Homelands]. Gor'kij, Volgo-Vyatskoe Publ., 1989. 398 p.
 17. Sverchkov L. M. [Archeology of Xinjiang]. In: *British Entertainment History Project*, 2016, vol. 3, no. 11, pp. 904–926.
 18. Sinyuk A. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2014. 766 p.
 19. Skorobogatov A. M., Smol'yaninov R. V. [Srednestogovsk Materials in the Basin of the Upper and Middle Don]. In: *Rossijskaya Arheologiya* [Russian Archeology], 2013, no. 2, pp. 96–106.
 20. Fajfert A. V. *Rannij etap yamnoj kul'tury epohi bronzy Nizhnego Podon'ya: dis. ... kand. ist. nauk. T. 1* [Early Stage of the Yamnaya Culture of the Bronze Age of the Lower Don Region: PhD thesis in Historical sciences. Vol. 1]. Rostov-na-Donu, 2017. 436 p.
 21. Child G. *Arijcy. Osnovateli evropejskoj civilizacii* [Aryans. The Founders of European Civilization]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2008. 270 p.
 22. Masson V. M., Merpert N. Ya., eds. *Eneolit SSSR* [Eneolithic USSR]. Moscow, Academy of RAS of USSR Publ., 1982. 360 p.
 23. Adams D. O. The Position of Tocharian Among Other Indo-European Languages. In: *The Journal of American Orient Society*, 1984, vol. 104, pp. 395–402.
 24. Anthony D. W. Tracking the Tarim Mummies: A Solution to the Puzzle of Indo-European Origins? In: *Archaeology (N.Y.)*, 2001, vol. 54, no. 2, pp. 76–84.
 25. Barros D. de P., Martiniano R., Kamm J. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia. In: *Science. Supplementary Materials*, 2018, vol. 360, pp. 1420–1422.
 26. Haak W., Patterson I., Rohland N. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe. In: *Nature*, vol. 522. Available at: URL: <https://www.nature.com/articles/nature14317>.
 27. Li Ch. Analysis of Ancient Human Mitochondrial DNA from the Xiaohe Cemetery: Insights into Prehistoric Population Movements in the Tarim Basin, China. In: *BioMedCentral Genetics*, 2015, vol. 16, no. 78. Available at: <https://bmcmgenomdata.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12863-015-0237-5>.
 28. Mair V. H. Mummies of the Tarim Basin. In: *Archaeology (N.Y.)*, 1995, vol. 48, no. 2, pp. 28–35.

29. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe. In: *Nature. Supplementary tab. 1*, 2018, no. 555, pp. 197–203.
30. Narasimhan V. M. The Genomic Formation of South and Central Asia. In: *Science. Supplementary materials. Data S 1*, 2019, vol. 365, pp. 997–1002.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Константин Александрович – кандидат философских наук, преподаватель философии и обществознания Тверского казачьего технологического института;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin K. Alekseev – Cand. Sci. (Philosophy), Lecturer of philosophy and sociology, Tver Cossack Institute of Technology;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев К. А. Ранние миграции индоевропейцев через степи Евразии: к разрешению тохарской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 55–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-55-68

FOR CITATION

Alekseev K. A. Early migrations of Indo-Europeans across the steppes of Eurasia: resolving the Tocharian problem. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 55–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-55-68